

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 23

Девять ключей

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Девять ключей

«Автор»

2026

Карадениз М.

Девять ключей / М. Карадениз — «Автор», 2026

Сантехник Ольга Морозова привыкла к запаху сырых подвалов, ржавых труб и старой извести. Двенадцать лет она меняла краны, чинила стояки, знала каждый дом в районе. Но однажды за батареей в подвале старого дома на улице Тенистой она находит жестяную шкатулку. Внутри — девять ржавых ключей и тетрадь тридцатилетней давности. «Ольге. Это для тебя», — написано на первой странице. Человек, оставивший шкатулку, давно мёртв. Но его записи начинают сбываться. Один за другим гибнут жильцы дома 17, и каждый раз — в точности так, как предсказано в дневнике. Кто-то читает эти записи и следует им. Кто-то знает, что Ольга найдёт шкатулку. И кто-то уверен: она — не просто случайная свидетельница. Сможет ли Ольга остановить убийцу, если улики указывают на неё? И что скрывают девять ключей, которые открывают не только двери, но и прошлое, которое она так старалась забыть? «ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. ТРИНАДЦАТЫЙ СТОЯК	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Девять ключей

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Подвал пах сыростью, ржавчиной и временем. Запах, который въедается в лёгкие и остаётся там на годы — бетонная пыль, гниющие трубы, старая известь, рассыпающаяся в пальцах. Женщина спускалась по лестнице медленно, но уверенно. Каждая ступенька скрипела под её весом, но она знала, куда наступать — в середину, где бетон не продавлен и не крошится. Она была здесь сотни раз. Меняла трубы, чинила краны, перекрывала стояки. Но сегодня — другое.

Она остановилась на последней ступеньке, прислушалась. Где-то наверху гудела вентиляция — глухо, монотонно, как больной орган. Капала вода. Металлический звук, который повторялся каждые две секунды: кап-кап-кап. Трубы дышали, остывали после дня, сжимались в старых креплениях, издавали протяжные стоны. Темнота обволакивала её, плотная, как одеяло. Она не включала свет — ей он был не нужен. Она помнила каждую трубу, каждый кран, каждый метр этой сырой клетки.

Она прошла вдоль стены, провела пальцами по шершавому бетону. На ощупь — как лицо старика. Она остановилась у старой батареи, вмонтированной в нишу. Чугунная, ржавая, тяжёлая. Она провела ладонью по рёбрам — тёплая. Ещё работала. Но она пришла не за этим.

Она упёрлась пальцами в край батареи, потянула на себя. Та поддалась с протяжным металлическим скрипом, который разнёсся по всему подвалу. Женщина замерла, прислушалась. Тишина. Только капает вода. Она отодвинула батарею в сторону, открывая пустоту за ней. Ниша. Глубокая, тёмная, пахнущая землёй и старым металлом.

Она запустила руку внутрь. Пальцы нащупали жёсть. Твёрдую, холодную, с острыми краями. Она вытащила шкатулку. Та была небольшой, размером с книгу в твёрдом переплёте. Старая, покрытая слоем пыли и масла. Жестяная, с выцветшими узорами, которые когда-то были золотыми — завитки, листья, что-то растительное, почти неузнаваемое. На боку — царапина, глубокая, как будто кто-то провёл ножом. Женщина провела по ней пальцем. Знала эту царапину. Помнила.

Она положила шкатулку на бетонный пол, опустилась на корточки. Открыла крышку. Та поддалась не сразу — замок заржавел. Она дёрнула сильнее — металл лязгнул. Внутри — ключи. Ржавые, старые, нанизанные на проволочное кольцо. На каждом — номер, выцарапанный гвоздём. Она перебирала их пальцами, не глядя. Она знала каждый. «1», «3», «5», «7», «9», «11», «13», «15», «17». Девять ключей. Девять дверей. Она сжала их в ладони — холодный металл, острые края, въевшаяся ржавчина. Запах железа и старого масла.

Она закрыла шкатулку, сунула под мышку, задвинула батарею на место. Поднялась по лестнице, ступая бесшумно — носки ботинок, старая привычка. На первом этаже — тишина. Коридор пуст. Лампочка под потолком горела тусклым жёлтым светом, вырывая из темноты облупленные стены, грязный пол, дверь с номером «1».

Она подошла к двери. Достала ключ. Металл звякнул о замок. Она вставила его, повернула. Механизм щёлкнул мягко — она смазывала его накануне, пока старик спал. Дверь открылась.

Она вошла. Прихожая — тесная, заваленная старыми вещами: обувь, трость, газеты, стопки журналов. Запах лекарств, немытого тела, застоявшегося воздуха. Она прошла в комнату. На кровати у окна спал старик. Худой, почти прозрачный, с седой щетиной, которая колючками торчала из кожи. Дышал тяжело, с хрипом — каждый вдох давался ему с трудом. Она стояла у его кровати и смотрела. Ключ в руке — она не выпускала его. Просто держала, сжимала так, что металл впивался в ладонь.

Старик не проснулся. Она смотрела на него долго. Считала его вдохи. Раз, два, три. Он дышал — значит, ещё жив. Она развернулась, вышла. Закрыла дверь, повернула ключ. Спу-

стилась в подвал. Поставила шкатулку на место, задвинула батарею. Вытерла руки о джинсы — на ладонях осталась ржавчина, чёрная, как сажа.

На лестнице она остановилась. Замерла. Прислушалась.

Сверху — шаги.

Медленные, тяжёлые, с паузами. Кто-то спускался, держась за перила. Она сжала ключи в кармане. Металл впился в кожу, оставляя следы.

— Кто здесь? — голос из темноты. Глухой, старческий, с хрипом. Тот же голос, что она слышала минуту назад — но теперь он звучал снизу, из квартиры. Старик проснулся. И пошёл за ней.

Она молчала. Шаги приближались. Ещё пролёт. Ещё один. Тень упала на стену — сторбленная, медленная. Старик шёл, опираясь на стену, тяжело дыша.

Она отступила в тень, прижалась спиной к холодному бетону. Сжала ключи так, что костяшки побелели.

Шаги остановились в двух метрах от неё.

Тишина.

Только капала вода.

Только гудели трубы.

Только она слышала собственное дыхание — ровное, спокойное, бесшумное.

Голос повторил:

— Есть кто?

Она не ответила. Не шелохнулась.

Тень в проёме лестницы замерла. Старик стоял, держась за перила, и всматривался в темноту. Она видела его глаза — мутные, старческие, слезящиеся. Он не видел её. Она была в тени.

Шаги двинулись обратно — вверх, медленно, с трудом. Каждая ступенька скрипела под его ногами. Он поднимался, останавливался, переводил дыхание. Потом дверь на первом этаже закрылась. Щелчок замка.

Женщина выдохнула. Только сейчас она почувствовала, как напряжены плечи, как дрожат пальцы, сжимающие ключи. Она разжала ладонь. На коже — красные полосы от металла.

Она вышла из подвала через чёрный ход, в ночь, под мелкий дождь. Не оглянулась. Ключи в кармане — металл холодил кожу через ткань джинсов.

Она знала, что вернётся. Она знала, что шкатулка будет ждать. И старик будет ждать.

Она шла по пустой улице, и дождь смывал с её рук ржавчину, но не смывал память.

ЧАСТЬ 1. ТРИНАДЦАТЫЙ СТОЯК

Глава 1

Ольга заступила на смену в шесть утра. Калининградское небо ещё не проснулось — серое, тяжёлое, с низкими тучами, которые висели над крышами, как мокрое одеяло. Май 2026 года выдался сырым и холодным, не похожим на весну. Дожди шли почти каждый день, и город пах мокрым асфальтом, морем и ржавчиной, которую ветер приносил с порта.

Она вошла в облупленное здание ЖЭУ-5 на углу улиц Тенистой и Парковой, стряхнула с куртки капли воды, повесила её на крючок в мастерской. Внутри пахло машинным маслом, металлом и старой древесиной — запах, который она знала двенадцать лет. Двенадцать лет она приходила сюда в шесть утра, двенадцать лет брала в руки инструменты, проверяла заявки, спускалась в подвалы. Руки привыкли к весу разводных ключей, к холодному металлу труб, к мозолям, которые появлялись на ладонях каждую весну и пропадали к зиме, оставляя грубую, огрубевшую кожу. Пальцы помнили каждый сантиметр каждого стояка в каждом подвале этого района — двенадцать лет работы, двенадцать лет одних и тех же труб, одних и тех же запахов, одних и тех же лиц.

Она была сантехником. И это была единственная профессия, которую она хотела.

Ольга Сергеевна Морозова — так значилось в её трудовой книжке, которую она не открывала уже лет пять. Сорок два года, из которых двенадцать — в ЖЭУ-5. Родилась в Калининграде, в 1984-м. Семья Морозовых удочерила её в 1996-м, когда она вышла из детского дома. Она не знала своих настоящих родителей — знала только, что умерли. Или уехали. Или просто исчезли. Ей говорили: «Ты была маленькая, ты ничего не помнишь». И она не помнила. В самом деле не помнила. Только сны. Только трубы. Только холодный бетон. Она просыпалась в поту, сжимая руками воздух, и не понимала, что ей снилось. Только ощущение — страх. И темнота. И ржавый запах воды, которая капала где-то рядом.

Она потянулась, хрустнула шеей, провела ладонью по столу. На столе лежала стопка заявок — жёлтые листочки, заполненные от руки, с рваными краями. Ольга пробежала их глазами: протекает кран в квартире 12, засорилась раковина в квартире 5, в подвале дома №17 меняется батарея в нише первого стояка. Заявка была подписана председателем ТСЖ Виктором Сергеевичем Орловым — корявая подпись, размашистая, уверенная, как у человека, который привык, что его распоряжения выполняют. Она знала этого Виктора Сергеевича — полный, лысеющий, вечно в очках, командный голос, любитель бумажек и совещаний. Он звонил ей по каждому поводу: «Ольга, у тебя там трубы гудят?», «Ольга, проверь стояк», «Ольга, почему опять протекает?». Она терпела его двенадцать лет.

Она взяла заявку в руки, перечитала. Дом №17, подвал, замена батареи, стояк №1. Нахмурилась. Она меняла эту батарею прошлой осенью — она была ещё целой, ржавой, но держала. Зачем менять? Она набрала номер Виктора Сергеевича, но тот не ответил. Первый звонок ушёл в пустоту, второй — тоже. Она перекинула телефон в карман джинсов. Не её дело — заявка есть заявка. Если председатель хочет тратить деньги ТСЖ, пусть тратит. Она взяла рюкзак с инструментами — разводные ключи разного размера, переходники, запасные прокладки, герметик, плоскогубцы, молоток, фонарик, изоленту — и вышла под дождь.

Улица Тенистая встретила её сыростью. Старый район Калининграда, где ещё сохранилась довоенная застройка, перемешанная с советскими панельными коробками. Дом №17 стоял в глубине квартала — трёхэтажное здание из красного кирпича, облупленного, с выцветшими окнами и ржавыми водосточными трубами. Над входом висела табличка с номером, наполовину стёртая временем. Ольга знала этот дом. Каждую квартиру, каждый подъезд, каж-

дую щель в подвале. Она работала здесь раз двадцать — меняла трубы, чинила краны, откачивала затопления, перекрывала стояки. Она знала, где проходят коммуникации, где задвижки, где старые краны, которые уже никто не помнит. Она знала всех жильцов: старика из первой квартиры, который вечно сидел у окна; тихую пенсионерку из пятой, которая никогда не здоровалась; семью из девятой, вечно скандалившую на всю лестничную клетку. Дом №17 был её территорией.

Она вошла в подъезд, проскользнула мимо почтовых ящиков, спустилась в подвал. Здесь было темно и сыро — запах бетона, старой извести и стоячей воды ударил в нос, резкий, знакомый, почти родной. Она включила фонарик на телефоне, осветила стены. Вдоль них тянулись трубы — ржавые, толстые, покрытые слоем пыли и паутины. В углу стоял старый щит с задвижками, наполовину заваленный мусором: сломанные стулья, пустые бутылки, газеты из девяностых. Где-то капала вода — мерный звук, который она слышала в каждом подвале этого города.

Она подошла к первому стояку, присела на корточки. Батарея — чугунная, тяжёлая, в рыжих пятнах ржавчины. Провела пальцем по рёбрам — тёплая. Ещё работала. Но заявка есть заявка. Она достала разводной ключ, накинула на гайку, затянула. Металл лязгнул, эхо разнеслось по подвалу. Она начала откручивать — сначала одну гайку, потом другую. Трубы поддались с трудом, ржавчина скрипела и крошилась в пальцах. Она привыкла к этому звуку — как металл плачет, когда его трогают. В подвале было тихо, только капли воды и скрип её инструмента.

Работа шла быстро. Ольга делала это тысячи раз — открутить, отсоединить, снять, поставить новую, закрутить. Руки работали сами, без участия мозга. Она думала о Викторе Сергеевиче — чего он добивается? Зачем менять рабочую батарею? Может быть, у него план по ремонту подвала. Может, он хочет утеплить трубы. Или просто придирается. Она его знала — он любил командовать, любил, чтобы люди подпрыгивали по его звонку. Ольга вздохнула, взялась за батарею, потянула на себя.

Она открутила последнюю гайку, взялась за батарею руками, потянула на себя. Чугунная секция соскользнула с креплений, и Ольга отодвинула её в сторону. За ней открылась глубокая ниша — кусок стены, который строители когда-то оставили незаделанным, прикрытый батареей. Там было темно и пусто. Но не совсем.

Ольга заметила край — металлический, жёсткий, торчащий из темноты. Она наклонилась, прищурилась. Жестяная коробка, покрытая слоем пыли и масла. Старая, с выцветшими узорами, которые когда-то были золотыми — завитки и листья, почти стёршиеся до бледных линий. Она зачем-то была здесь. Спрятана за батареей. И никто не находил её много лет.

Ольга протянула руку, схватила коробку за край, потянула. Та поддалась не сразу — будто приросла к бетону. Она дёрнула сильнее, и шкатулка выехала на пол с глухим стуком. Ольга села на корточки, поставила фонарик рядом, осмотрела находку. Жестяная, небольшая — размером с книгу в твёрдом переплёте. На боку — глубокая царапина, оставленная чем-то острым. Она провела пальцами по крышке, стряхнула пыль. Под слоем грязи проступила буква — «А». Потом ещё одна — «Л». Или это не буквы? Или просто царапины? Она не знала.

Она попыталась открыть — крышка не поддалась. Замок заржавел. Она дёрнула сильнее — металл лязгнул, и крышка со скрипом поднялась. Внутри лежали ключи. Много ключей — старых, ржавых, нанизанных на проволоочное кольцо. На каждом — номер, выцарапанный гвоздём или шилом: «1», «3», «5», «7», «9», «11», «13», «15», «17». Девять ключей. Девять дверей. Она знала этот дом, знала эти номера — это были квартиры в доме №17. Все квартиры, кроме чётных. Все — на одной стороне лестницы.

Она перебрала их пальцами, чувствуя холод металла и въевшуюся ржавчину. Ключи были старыми, с зазубринами и потёртостями — ими много раз открывали замки. Рядом с ключами лежала тетрадь — старая, в коленкоровой обложке, выцветшей до серого. Без названия. Без

подписи. Ольга открыла её на первой странице, провела пальцем по бумаге — шершавой, жёлтой, пахнувшей временем. Почерк был аккуратным, старомодным, с наклоном вправо. Чёрные чернила, выцветшие до коричневого.

Она прочитала первую строку. И замерла. На странице было написано: «Ольге. Это для тебя. Ты найдёшь это, когда будешь готова. Алексей Рогов, сантехник, ЖЭУ-5, 1995 год».

Ольга не дышала. Она смотрела на своё имя, выведенное чужим почерком, и чувствовала, как холодок пробегает по позвоночнику. Её имя. Кто-то написал её имя. Тридцать лет назад. Когда её не было в этом городе. Когда она ещё была в детском доме. Она родилась в 1984-м, а в 1995-м ей было одиннадцать. Она сидела в детском доме на окраине Калининграда, ждала, пока её заберут. А кто-то уже писал её имя в этой тетради. Кто-то знал, что она станет сантехником. Кто-то знал, что она будет здесь.

Она перевернула страницу. Первая запись: «Я — Алексей Рогов. Я работаю сантехником в ЖЭУ-5 с 1988 года. Я знаю, что в подвале дома №17 происходит что-то страшное. Я должен записывать это. Если вы читаете — значит, я мёртв. Ищите правду. Она в подвале».

Она закрыла тетрадь, положила обратно в шкатулку. Сердце билось быстро, в груди было тесно. Она провела ладонью по лицу, стирая пот. В подвале было холодно, но она чувствовала жар. Кто-то знал, что она найдёт это. Кто-то положил шкатулку сюда, за батарею, и ждал тридцать лет. Ждал, пока она придёт и откроет. Ждал, пока она будет готова. Но она не была готова. Она не знала, что это значит.

Она взяла шкатулку, сунула под мышку, поднялась с корточек. В ушах шумело. Она поставила батарею обратно, но не закручивала её — руки дрожали. Она вышла из подвала, поднялась на первый этаж, вышла под дождь. Стояла, глядя на серое небо, и сжимала шкатулку в руках. Дождь стучал по крышке, смывая пыль, оставляя тёмные пятна на жести. Она не знала, что делать. Она знала только одно: она должна прочитать эту тетрадь. И она должна понять, кто этот Алексей Рогов.

Она развернулась и пошла в мастерскую. Шкатулка была тяжёлой в руках. И холодной. Как подвал.

Она открыла дверь мастерской, зашла, поставила шкатулку на стол. Сняла мокрую куртку, повесила на крючок. Снова открыла тетрадь, перевернула страницу. И замерла снова. На второй странице тем же почерком было написано: «Ольга, ты не помнишь, но я был там. Я держал тебя за руку. Ты выжила. Теперь ты должна узнать правду. Начни с квартиры №1».

Она подняла глаза, посмотрела в окно. Напротив, через улицу, стоял дом №17. В окне квартиры №1 — горел свет. И в этом свете, за стеклом, она увидела силуэт. Старик стоял у окна и смотрел на неё. Прямо на неё. Через дождь, через улицу, через стекло её мастерской. И не двигался. Просто стоял. И смотрел. Она сжала шкатулку в руках. И почувствовала, как холодный металл ключей впивается в ладонь через ткань её джинсов. Он ждал её. Старик ждал её. И она знала — она должна пойти к нему. Сегодня. Прямо сейчас.

Глава 2

Ольга сидела в мастерской и смотрела на шкатулку. Та стояла на столе, старая, жестяная, с выцветшими золотыми завитками, которые тускло поблёскивали в свете лампы. На крышке — царапины, глубокие, оставленные чем-то острым. Она провела по ним пальцем, ощущая неровность металла, холод, который не уходил, даже когда она сжимала шкатулку в руках. Она не помнила, чтобы видела эту шкатулку раньше. Три раза она меняла батареи в этом подвале за последние двенадцать месяцев, три раза откручивала крепления, снимала чугунные секции, собирала ржавую воду в ведро. И ни разу не замечала нишу за батареей. Ни разу не видела этот край жести, торчащий из темноты. Как будто шкатулка появилась там недавно. Или как будто она не хотела, чтобы её находили раньше.

Она открыла крышку, достала тетрадь. Обложка была жёсткой, коленкоровой, выцветшей до серого, с потёртыми уголками и тёмными пятнами от воды или масла. Страницы пожелтели, уголки загнулись, бумага пахла временем — сухой, немного сладковатый запах, который бывает у старых книг, когда их долго держат в сыром подвале. Она перелистнула первую страницу, где было написано её имя, и перешла ко второй. Почерк был аккуратным, старомодным, с наклоном вправо. Буквы выведены старательно, но без излишней красоты — почерк человека, который привык писать много и быстро, но хотел, чтобы его читали. Чёрные чернила выцвели до коричневого, кое-где расплылись от сырости, но слова были разборчивы.

«Я — Алексей Рогов. Я работаю сантехником в ЖЭУ-5 с 1988 года. Мне сорок два года, я живу на улице Парковой, в доме №6. У меня есть жена и дочь. Они не знают, чем я занимаюсь по ночам. Я знаю, что в подвале дома №17 происходит что-то страшное. Я должен записывать это. Если вы читаете — значит, я мёртв. Ищите правду. Она в подвале».

Она перевернула страницу. Дальше шли записи — короткие, обрывистые, словно кто-то писал их в темноте, на ощупь, боясь, что его застанут. Она читала, чувствуя, как в груди становится тесно.

«2 января 1994 года. В подвал пришли новые люди. Трое мужчин. Они принесли ящики. Я слышал голоса — они говорили о товаре. О единицах. Я не знаю, что это значит. Я спрятался за щитом и смотрел. Они закрыли ящики в нише первого стояка. Потом ушли. Я проверил — ящики были заперты. Я не стал открывать».

«15 февраля 1994 года. Сегодня я услышал звуки. Из ниши. Стук. Я подошёл, приложил ухо к стене. Там кто-то был. Я не мог открыть — замок был новый, я не знал, где ключи. Я стоял и слушал. Кто-то плакал. Тихо, как ребёнок. Я не знал, что делать. Я ушёл. Я трус».

«1 марта 1994 года. Я нашёл ключи. Они лежали в кабинете председателя ТСЖ, в ящике стола. Я взял их, но не открыл нишу. Я боялся. Я знаю, что там. Я слышал голоса. Я не готов».

Ольга перелистнула ещё несколько страниц. Записи становились более частыми, более подробными. Алексей Рогов писал о жильцах дома №17. Он следил за ними по ночам. Он записывал, кто из них просыпался, кто выходил на лестницу, кто смотрел в окно. Он называл их имена, квартиры, привычки. Он был одержим — или, может быть, он был прав. Она не знала. Она сидела, прижав пальцы к вискам, пытаясь осмыслить то, что читала. В груди было пусто и холодно.

Она остановилась на странице, где было написано:

«Квартира №1. Г.П. Кузнецов. Бывший учитель истории. Живёт один, вдова. Каждую ночь в 3:15 он встаёт и идёт к двери. Стоит. Не открывает. Я проверял дверь снаружи — она заперта. Он стоит минуту, потом возвращается в кровать. Утром он говорит: "Мне показалось". Но я знаю — ему не кажется. Он знает, кто придёт. Он ждёт».

Ольга провела пальцем по строчке. Кузнецов. Она знала его. Старик из первой квартиры, который всегда сидел у окна. Он никогда не здоровался. Просто смотрел вниз, на улицу, на

прохожих, на машины, на детей, которые играли во дворе. Она думала, что он следит за жизнью, которая проходит мимо. Теперь она знала — он ждал. Он ждал кого-то.

Она закрыла тетрадь, положила на стол. В мастерской было тихо — только гул старой вентиляции за стеной и шум дождя за окном. Он барабанил по стеклу, по крыше, по асфальту. Она встала, подошла к чайнику. Вода закипела через минуту, она заварила чай — чёрный, крепкий, без сахара. Села обратно, держа кружку в руках. Тёплый фарфор грел ладони. Внутри было тревожно. Словно она стояла на краю обрыва и смотрела вниз, не видя дна. Она не знала, что там — но знала, что должна узнать. Она не могла остановиться. Руки помнили холодный металл ключей, нос помнил запах подвала, а в голове звенел голос Алексея Рогова: «Ищите правду. Она в подвале».

Телефон на столе завибрировал. Она посмотрела на экран — Виктор Сергеевич Орлов, председатель ТСЖ. Тот самый, кто подписал заявку на замену батареи. Она сняла трубку. В ушах всё ещё звенела тишина подвала.

— Ольга, ты ещё в подвале?

Голос был напряжённый, срывающийся. Не такой, как обычно. Она знала его — всегда командный, всегда уверенный, всегда с ноткой превосходства. Сейчас он звучал иначе. Он что-то знал. Что-то, что заставило его забыть о субординации.

— Нет. Я в мастерской. Что случилось?

— Там... в доме №17. Квартира №1. — Он замолчал, тяжело дыша. Она слышала, как он переводит дыхание, как сглатывает. — Кузнецов умер. Утром нашли. Инфаркт.

Она сжала кружку. Чай обжёг пальцы, но она не отпустила. Ей нужно было что-то держать, чтобы не дрожать.

— Что значит — умер?

— В три часа ночи он открыл дверь и упал прямо на лестничную клетку. Соседи слышали звук. Полиция сказала — сердечный приступ. — Он снова замолчал. — Ты ничего не слышала? Ты была в подвале вчера вечером. Ты что-то видела?

Она смотрела на тетрадь. Она была раскрыта на записи про Кузнецова. «Г.П. Кузнецов. Каждую ночь в 3:15 встаёт и идёт к двери». Три часа ночи. Кузнецов умер в три часа ночи. Как раз тогда, когда он обычно открывал дверь. Но дневник был написан в 1994 году. А сейчас — 2026. Кузнецов делал это тридцать лет. И в эту ночь — умер.

— Я ничего не видела, — сказала она. Голос был ровным, хотя внутри всё дрожало. — Я меняла батарею. Ушла около семи вечера. И больше не возвращалась.

Виктор Сергеевич выдохнул. Долгий, шумный выдох, как будто он задерживал дыхание всё это время.

— Хорошо. Просто... странное совпадение. Он всегда говорил, что кто-то придёт. Что он ждёт. Я думал, он просто старый и путается. А теперь...

— Теперь что?

— Теперь он мёртв. — Виктор Сергеевич замолчал. Она слышала, как он дышит в трубку. — Ладно. Прости, что потревожил. Если что-то вспомнишь — позвони.

Он положил трубку. Ольга смотрела на тетрадь. На странице с именем Кузнецова. Она провела пальцем по буквам, чувствуя шершавую бумагу, ощущая каждую букву, выведенную рукой Алексея Рогова. В три часа ночи старик встал с постели. Он подошёл к двери. Он открыл её. И упал. А в это время шкатулка с дневником лежала в нише за батареей. Она лежала там тридцать лет. И сегодня Ольга нашла её.

Совпадение. Обычное совпадение. Старый человек, который ждал кого-то тридцать лет, наконец дождался. Но не того, кого ждал. Или того.

Она закрыла тетрадь. Поставила кружку на стол. Посмотрела в окно. Дом №17 стоял напротив, мокрый, серый, с тёмными окнами. В окне квартиры №1 свет не горел. Там было

пусто. Она знала, что старик не вернётся. Она знала, что он больше не будет стоять у окна и смотреть на улицу. Но она не знала, кто теперь будет стоять там.

Она сжала шкатулку в руках. И почувствовала, как холодный металл ключей впивается в ладонь через ткань джинсов. Ключи от всех квартир. От всех дверей. От прошлого, которое не хотело оставаться в прошлом.

Она открыла тетрадь снова. Пролистала до самого конца. На чистой странице, в самом конце, она увидела ещё одну запись. Более свежую — чернила не выцвели до коричневого, они были почти чёрными, плотными, без расплывов. Почерк был другим — крупным, дрожащим, торопливым, как будто писавший очень спешил. Написанным недавно, может быть, несколько дней назад.

«Ольга. Ты уже нашла это. Я знаю. Ты не помнишь меня, но я помню тебя. Я был там, в подвале, когда ты плакала. Я держал тебя за руку. Я дал тебе ключи и сказал бежать. Ты выжила. Теперь ты должна закончить то, что я начал. В доме №17 есть ещё одна шкатулка. Она спрятана в третьем стояке. Открой её. И ты узнаешь всё. Но будь осторожна. Они знают, что ты здесь. Они ждали тебя. Они ждали, пока ты найдёшь шкатулку. И теперь они будут ждать, пока ты откроешь вторую. Не доверяй никому. Даже себе».

Она смотрела на запись и не могла дышать. Кто-то оставил это сообщение для неё. Кто-то знал, что она найдёт первую шкатулку. Кто-то ждал тридцать лет. И она знала — она должна открыть вторую. Сегодня. Прямо сейчас. В подвале дома №17. В третьем стояке. Там, где Алексей Рогов оставил правду.

Она встала из-за стола. Взяла шкатулку, сунула под мышку. Накинула мокрую куртку, вышла в коридор. В мастерской было тихо, только чай остывал в кружке. Она шагнула к двери, но остановилась. Снаружи было темно. Дождь всё шёл. И в этом дожде, за мокрым стеклом, она увидела свет. В окне квартиры №1, которую только что освободила смерть, горел свет. И в этом свете, за стеклом, стояла тень. Чья-то тень. Она смотрела на Ольгу.

Сердце пропустило удар. Она застыла. Тень не двигалась. Она просто стояла. И смотрела. Через дождь, через улицу, через стекло. Ольга не видела лица — только силуэт. Но она знала — кто-то стоял в квартире мёртвого старика. Кто-то, кто знал, что она смотрит. Кто-то, кто ждал. И она поняла — она не одна. Она никогда не была одна.

Глава 3

Ольга вышла из мастерской под дождь. Он не прекращался — мелкий, холодный, косой, бил в лицо, забирался под воротник куртки, стекал по шее за шиворот. Вода просачивалась сквозь ткань, холодила плечи, заставляла мышцы напрягаться. Она не заметила, когда успела надеть куртку и выйти — просто оказалась на улице, сжимая шкатулку под мышкой, с тетрадью в кармане. Ноги сами несли её через улицу, к дому №17. Она не думала — она просто шла. В голове звенела последняя запись: «Они ждали тебя. Они ждали, пока ты найдёшь шкатулку». Кто — они? И почему она? Почему Алексей Рогов знал, что она придёт? Она работала здесь двенадцать лет, но никогда не видела его имени в документах. Он исчез. Исчез, как будто его не было. Но он оставил письмо. Письмо для неё.

У подъезда стояла машина скорой помощи, мигала синим, но без звука. Рядом — белый полицейский «уазик», грязный, в разводах, с налипшей грязью на колёсах. Ольга прошла мимо, никто не остановил. Она поднялась на первый этаж. Ноги ступали по знакомым ступенькам — она знала каждую, знала, где скрипят половицы, где отвалилась плитка, где перила шатаются. Двенадцать лет она ходила здесь, меняла трубы, чинила краны. Но сейчас всё выглядело иначе — чужим, угрожающим. У квартиры №1 толпились люди — двое полицейских в мокрых куртках, с мокрыми волосами, прилипшими ко лбу; женщина в синей форме «Скорой», усталая, с тёмными кругами под глазами; соседка с третьего этажа в халате, испуганная, с телефоном в руке, которая дрожала, как осиновый лист. Дверь была открыта, изнутри пахло лекарствами и сыростью — тем же запахом, что в подвале, но смешанным с запахом старого тела, невымытой одежды, застоявшегося воздуха. Этот запах вёлся в стены, в ковёр, в шторы. Он был частью квартиры.

Ольга остановилась в стороне, прислонилась к стене. Штукатурка была холодной, шершавой, прилипала к мокрой куртке. Она не хотела привлекать внимание — просто стояла и смотрела. Из квартиры вынесли носилки. Тело Кузнецова лежало под белой простыней, но лицо было открыто — серое, спокойное, с закрытыми глазами. Старик выглядел так, будто спал. Только кожа была неестественно бледной, почти прозрачной, как вошенная бумага, через которую просвечивали синие вены. Он выглядел меньше, чем при жизни — съёжившимся, усохшим, как будто смерть забрала не только душу, но и часть тела. Руки, сложенные на груди, были тонкими, с выступающими костями, с тёмными пятнами — старость, болезни, ожидание.

Ольга смотрела на его лицо. Она видела его сотни раз — у окна, в подъезде, иногда у мусорных баков. Он всегда выглядел одинаково — худой, сутулый, с седой щетиной, которая колючками торчала из кожи, и мутными глазами, которые смотрели сквозь людей. Теперь он лежал на носилках, и его лицо было спокойным, почти умиротворённым. Как будто он наконец дождался того, кого ждал. Как будто он был рад уйти. Ольга почувствовала, как внутри всё сжимается. Она не знала, что он ждал. Но теперь знала — он ждал смерти. Или того, кто придёт за ней.

Врач — молодой парень в синей куртке, с усталыми глазами, с тёмной щетиной, небрежно подстриженной — стоял рядом с носилками, разговаривал с полицейским. Ольга услышала обрывки фраз. Голос врача был низким, утомлённым, как у человека, который видел слишком много смертей.

— Инфаркт. Всё чисто. Никаких следов насилия. Но странно — он стоял у двери. В тапочках, в пижаме. Как будто собирался выйти. Или ждал, что кто-то войдёт. Дверь была открыта настежь.

Полицейский кивнул, что-то записал в блокнот. Капли дождя падали на бумагу, но он не обращал внимания.

— Он часто так делал? Выходил ночью?

Соседка в халате закивала, быстро, нервно.

— Каждую ночь. Я слышала через стенку. Он вставал, шёл к двери, открывал её. Стоял. Потом закрывал и возвращался. Я думала, он просто старый и спутанный. А теперь...

Голос её сорвался. Она прижала телефон к груди, как талисман.

— Теперь он умер, — закончил за неё полицейский. — В три часа ночи. Дверь была открыта. Он стоял на пороге. И упал. Сердце не выдержало.

Ольга отвернулась. Она не могла слушать больше. Она знала всё это. Она прочитала в тетради. «Каждую ночь в 3:15 встаёт и идёт к двери. Стоит. Не открывает». Кузнецов делал это тридцать лет. И в эту ночь — открыл. И умер. Она знала, что он ждал кого-то. Она думала, что он ждал смерть. Но теперь она не была уверена. Может быть, он ждал её. Может быть, он знал, что она придёт. Может быть, он чувствовал, как она спускается в подвал, как открывает шкатулку, как читает записи Алексея Рогова. Может быть, он открыл дверь, потому что услышал её шаги на лестнице.

Она прошла мимо носилок, не глядя на тело. Спустилась по лестнице в подвал. Там было темно и сыро — как всегда. Только сейчас этот запах казался другим, более тяжёлым, более густым, как будто воздух стал плотнее. Он пах не просто бетоном и ржавчиной — он пах страхом. Или памятью. Или ожиданием. Она прошла вдоль стен, провела рукой по трубам — металл был холодным, влажным, с капельками конденсата, которые стекали по пальцам. Она знала этот подвал. Каждый сантиметр, каждую трещину в бетоне, каждую ржавую задвижку. Она работала здесь двенадцать лет. Она знала, где проходят трубы, где старые краны, где засоры. Но сейчас подвал казался чужим. Как будто она вошла в него впервые.

Она села на старый деревянный ящик, стоявший у трубы. Достала тетрадь из кармана, открыла на первой странице. Бумага была влажной от дождя, но слова ещё читались.

«Я — Алексей Рогов. Я работаю сантехником в ЖЭУ-5 с 1988 года... Я знаю, что в подвале дома №17 происходит что-то страшное. Я должен записывать это. Если вы читаете это — значит, я мёртв. Ищите правду. Она в подвале».

Она перечитала эти строки трижды. «Если вы читаете это — значит, я мёртв». Алексей Рогов умер. И он знал, что умрёт. Он написал это как завещание — письмо в будущее, которое она, Ольга, должна была получить. Но почему она? Почему её имя было на первой странице? Она не знала его. Она никогда не слышала этого имени. Но он знал её. Он знал, что она придёт, что она найдёт шкатулку, что она будет сидеть в этом подвале и читать его слова. Он знал, что она станет сантехником. Он знал, что она будет работать в этом доме. Он знал всё. А она не знала ничего.

Она провела пальцем по строчке, чувствуя шершавую бумагу, которая крошилась под пальцами. Где-то наверху скрипнула дверь, эхо разнеслось по подвалу, заставив её вздрогнуть. Она подняла глаза. Свет фонарика выхватывал из темноты стены — бетон, покрытый паутиной и пылью, старые трубы, покрытые слоем ржавчины, ржавые задвижки с отломанными ручками. И щит. Старый электрический щит в углу, наполовину заваленный мусором — сломанными стульями, пустыми бутылками, газетами из девяностых, пожелтевшими и хрупкими. Она смотрела на него и чувствовала, как внутри всё сжимается. Ей показалось, что за щитом кто-то стоит. Тень. Движение. Или просто игра света? Или её воображение, разогретое записями Алексея Рогова? Она не знала. Она не была уверена.

Она встала, убрала тетрадь в карман. Сделала шаг к щиту. В подвале было тихо — только капала вода, только гудели трубы. Её собственное дыхание казалось громким, слишком громким. Ещё шаг. Она остановилась перед щитом, всмотрелась в темноту за ним. Казалось, что там пусто. Но внутри что-то подсказывало ей — она должна проверить. Она взялась за край щита, потянула на себя. Ржавые петли заскрипели, металл лязгнул, и щит открылся. За ним было пусто. Только стена. Только трубы. Только пыль, которая поднялась в воздух и закружилась в свете фонарика, оседая на её куртке, на лице, на губах.

Но на бетонном полу — свежие следы. Чужие.

Ольга опустила на корточки, провела пальцем по следу. Грязь — мокрая, тёмная, только что принесённая с улицы. Следы были большими — мужскими, с чётким рисунком подошвы, с глубокими канавками, в которых застряла земля и песок. Обувь была грубой, рабочей, с жёстким протектором. Следы вели от щита вглубь подвала, к третьему стояку. К тому самому стояку, где Алексей Рогов оставил вторую шкатулку. Она перевела взгляд с пола на стены. Кто-то был здесь до неё. Кто-то ходил в этом подвале сегодня. Или вчера. Или час назад. Следы были влажными, ещё не высохли. Кто-то был здесь совсем недавно.

Она выпрямилась, посмотрела в сторону третьего стояка. Следы уходили туда. Она сжала в кармане тетрадь, чувствуя, как бумага хрустит в пальцах. Она знала — она должна идти туда. Но она не была уверена, что хочет знать, что её ждёт. Она не была уверена, что готова. В подвале было тихо, но она чувствовала, что за ней наблюдают. Она слышала собственное сердце, которое билось слишком громко, слишком быстро. Или это были шаги? Она не знала.

Она сделала шаг в сторону третьего стояка. И остановилась. За спиной — звук. Шаги. Тяжёлые, медленные. Кто-то спускался по лестнице. Кто-то, кто знал, что она здесь.

Она обернулась. В проёме лестницы стояла тень. Человек в тёмной куртке, с капюшоном, натянутым на голову так низко, что лица не было видно. Лица не было видно совсем — только тёмный овал, только руки, опущенные вдоль тела, в чёрных рабочих перчатках. Человек стоял неподвижно и смотрел на неё. Она не видела глаз, но чувствовала взгляд — тяжёлый, изучающий, холодный. Она не двигалась. Он не двигался. Они стояли друг напротив друга в темноте подвала, разделённые десятью метрами бетонного пола и грязных труб, на которых блестел конденсат.

— Кто ты? — спросила она. Голос прозвучал тихо, почти шёпотом, но в тишине подвала он прозвучал громко, как выстрел.

Человек не ответил. Он просто стоял. И смотрел. Ветер с улицы ворвался в подвал, дёрнул дверь, и капюшон качнулся, но лица не показал.

Она сделала шаг в его сторону. Он не отступил. Ещё шаг — он замер. Она остановилась в двух метрах от него. Запах — сырость, уличный дождь, табак. Человек был высоким, широким в плечах. Руки — в рабочих перчатках, чёрных, грязных. На них — следы ржавчины, тёмные, как кровь. Он был здесь, в подвале. Он трогал трубы. Или шкатулку. Или что-то ещё.

— Ты искал это? — она вытащила тетрадь из кармана, показала ему. — Ты знаешь, что здесь написано?

Человек качнул головой — нет, или да, или просто шевельнулся. Она не поняла. Он сделал шаг назад, к лестнице. Потом развернулся и пошёл вверх. Шаги застучали по бетону — быстро, тяжело, как удары молота. Ольга рванула за ним, но на лестнице споткнулась о мусор, ударилась коленом о ступеньку, вскрикнула от боли. Она выбежала наружу, в дождь, огляделась. Улица была пуста. Никого. Только мокрый асфальт, только серое небо, только струи воды, стекающие по водосточным трубам. Человек исчез. Исчез так же быстро, как появился. Как будто его и не было. Она стояла под дождём, сжимая тетрадь, чувствуя, как вода заликает страницы, размывает чернила, превращает слова в тёмные пятна. Она спрятала тетрадь под куртку, прижала к груди. Она не знала, кто это был. Она не знала, зачем он пришёл. Она знала только одно — он был здесь до неё. Он знал о шкатулке. Он знал о дневнике. И он не хотел, чтобы она нашла вторую шкатулку. Но она найдёт. Она должна. Она посмотрела на подвал, на чёрный проём двери, который втягивал в себя темноту. Третий стояк ждал её. Алексей Рогов ждал её. И кто-то ещё — тот, кто оставил следы на полу, кто стоял в тени, кто исчез в дожде — тоже ждал её. Она вошла обратно в подвал. Закрыла за собой дверь. Внутри было темно. И она знала — она не одна.

Глава 4

Ольга закрыла за собой дверь подвала и несколько секунд стояла неподвижно, прислушиваясь к тишине. Дождь барабанил по крыше, по трубам, по асфальту — мерный, успокаивающий звук, который всегда действовал на неё как снотворное. Но сейчас он не успокаивал. Он только подчёркивал тишину, в которой она только что стояла лицом к лицу с незнакомцем. Она провела рукой по лицу, стирая капли воды, смешанные с потом. Колено болело — она ударилась о ступеньку, когда бежала за ним. Она опустила взгляд, посмотрела на джинсы. На коленке — свежая ссадина, из которой сочилась кровь, смешанная с грязью. Она не заметила, когда успела пораниться. Она не заметила ничего, кроме тени, которая стояла напротив неё.

Она вышла из подъезда, пересекла мокрую улицу, вошла в свой дом. Старая пятиэтажка на углу Тенистой и Парковой, серая, облупленная, с выцветшими окнами и ржавыми балконами. Она жила здесь двенадцать лет — с тех пор, как устроилась в ЖЭУ-5. До этого она снимала комнату в общежитии, потом квартиру на окраине, потом эту. Когда она первый раз вошла сюда, ей показалось, что она уже была здесь. Запах дерева, старой пыли, сырости — всё было знакомым, почти родным. Она списала это на усталость. Тогда она не знала, что этот дом, эта квартира, этот запах были частью её прошлого. Она не знала, что они ждали её. Она не знала, что кто-то выбрал эту квартиру для неё.

Она поднялась на третий этаж, открыла дверь, вошла. Квартира встретила её тишиной. Старая двушка, где пахло деревом, старой мебелью и немного пылью — тот самый запах, который она любила, потому что он был свой, потому что он не пах подвалом. Стены были выкрашены в бледно-голубой, местами обои отходили, особенно в углах, где скапливалась влага. На полу — старый паркет, скрипучий, с тёмными пятнами, которые она так и не смогла оттереть. Она знала каждую половицу, каждую щель. Она знала, где скрипит, где прогибается, где рассохлась доска. Она любила эту квартиру за то, что она была её. Единственное место, где она могла быть собой. Но сегодня она чувствовала себя здесь чужой. Как будто кто-то другой уже был здесь. Как будто кто-то ждал её.

Она повесила мокрую куртку на крючок в прихожей, сняла ботинки. Ноги гудели, колени саднили. Она прошла на кухню, включила чайник. Жидкость закипела через минуту — она заварила чай, чёрный, крепкий, с мятой. Она всегда пила его без сахара, с мятой, потому что это успокаивало. Села за старый деревянный стол, который достался ей вместе с квартирой, поставила кружку перед собой. Пар поднимался над поверхностью, оседал на стекле, запотевал его, делая мир за окном размытым, нереальным. Она смотрела на дождь, стекающий по стеклу, и чувствовала, как руки всё ещё дрожат. Она не знала, от чего — от холода, от страха или от того, что только что видела человека в подвале. Она сжала ладони в кулаки, разжала. Провела пальцами по столу — гладкая поверхность, старая, с множеством царапин, оставленных ножами и кружками. Она закрыла глаза, пытаясь успокоить дыхание. В ушах всё ещё звенела тишина подвала.

Она открыла глаза. Достала тетрадь из кармана куртки, которую повесила на спинку стула. Бумага была влажной — дождь всё-таки просочился сквозь ткань. Она раскрыла тетрадь на середине, перелистнула страницы, нашла запись, которую видела мельком, когда сидела в подвале. Алексей Рогов писал о квартире №3. Почерк был тем же — аккуратным, старомодным, с наклоном вправо. Чернила почти не выцвели, чёткие, тёмные. Она прочитала вслух, чтобы убедиться, что не ошиблась:

«Квартира №3. А.С. Воронов. Инженер. Живёт с женой и двумя детьми. Каждую ночь в 2:15 он выходит на лестницу, стоит у перил, смотрит вниз. Я спросил его однажды, когда встретил на лестнице ночью. Он сказал: "Она зовёт меня". Я не стал спрашивать, кто. Я знаю, что он видит свою мёртвую жену. Она умерла в 1992 году. Он думает, что она приходит за

ним. Я не знаю, права ли она. Но я слышу шаги. Каждую ночь. В 2:15. Кто-то поднимается по лестнице. И он выходит. Он ждёт её. Я боюсь того, что он найдёт».

Ольга провела пальцем по строчкам. «А.С. Воронов». Она знала этого человека. Он жил в доме №17, на втором этаже, в квартире №3. Хмурый, молчаливый, ни с кем не разговаривал. Она видела его в подъезде, когда приходила чинить краны. Он проходил мимо, не здороваясь, с опущенными глазами, пряча лицо в воротник. Она думала, что он просто невоспитанный. Или усталый. Или больной. Теперь она знала — он боялся. Он боялся темноты. Или того, что в ней скрывалось. Или того, что она приносила. Она вспомнила его глаза — тёмные, глубоко посаженные, с красными прожилками. Он выглядел как человек, который не спал много лет.

Она закрыла тетрадь, посмотрела на часы. Половина восьмого вечера. Воронов, скорее всего, уже дома. Она знала его привычки — он никогда не выходил после работы. Иногда соседи жаловались, что от его квартиры пахнет газом, но проверки показывали, что всё в порядке. Она не обращала внимания. Теперь она думала — может быть, газ был не единственной причиной. Может быть, он специально оставлял плиту включённой. Может быть, он хотел, чтобы его нашли. Или чтобы никто не нашёл. Она слышала, как соседи шептались о нём: «Сумасшедший», «Ненормальный», «Он разговаривает сам с собой по ночам». Она не придавала значения. Теперь она знала — он не разговаривал сам с собой. Он разговаривал с ней.

Она отпила чай. Горячий, терпкий, с мятным привкусом. Поставила кружку обратно на стол, оставив мокрый след на дереве. Она смотрела на него, как вода впитывается в старое дерево, оставляя тёмное пятно. Ей казалось, что это пятно похоже на следы в подвале. Те же очертания, та же форма. Она тряхнула головой, прогоняя мысли. Она не могла позволить себе поддаваться паранойе. Ей нужно было действовать. Она должна была проверить квартиру №3. Сегодня. Прямо сейчас. Пока она не передумала.

Она встала из-за стола, прошла в прихожую, сняла с крючка сухую куртку. Руки двигались быстро, уверенно. Она надела её, застегнула молнию, сунула ноги в резиновые сапоги. Потом остановилась, посмотрела на входную дверь. Внутри — тревога. Не та, что была утром, когда она нашла шкатулку. Другая — глубокая, тягучая, как холодная вода, которая заливается в лёгкие. Она не знала, что найдёт в квартире Воронова. Она не знала, хочет ли знать. Но она знала, что должна. Потому что Алексей Рогов оставил ей эти записи. Потому что он знал её имя. Потому что он сказал: «Ищите правду. Она в подвале». И она искала.

Она вышла из квартиры, спустилась по лестнице, вышла на улицу. Дождь стих, превратился в мелкую морось, которая оседала на лице, как холодная паутина. Она пересекла улицу, вошла в дом №17. В подъезде было тихо. Только свет в коридоре тусклый, жёлтый, едва освещающий ступени, и запах сырости, смешанный с запахом старой штукатурки и табака. Она поднялась на второй этаж. Каждая ступенька скрипела под её весом. Дверь квартиры №3 была закрыта, из-за неё не доносилось ни звука. Она остановилась перед ней, прислушалась. Тишина. Только гул вентиляции где-то наверху, только капли воды, стекающие по трубе где-то за стеной.

Она засунула руку в карман, нащупала связку ключей из шкатулки. Металл был холодным, шершавым от ржавчины. Она перебирала их пальцами, пока не нашла тот, на котором было выцарапано «3». Сжала его в кулаке. Он был тяжёлым, старым, с зазубринами на бородке, с тёмным налётом на металле. Она провела по нему большим пальцем, ощущая каждую неровность. Она знала, что этот ключ откроет дверь квартиры №3. Она знала, что он был сделан много лет назад, может быть, тем же человеком, который оставил шкатулку в подвале. Она знала, что, если она вставит его в замок, она переступит черту, за которой нет возврата. Замок старой двери щёлкнет, и она войдёт в чужую жизнь. В чужую тайну. В чужой страх.

Она сжала ключ в руке, чувствуя, как холодный металл впивается в ладонь. Она стояла перед дверью квартиры №3 и не могла пошевелиться. В голове звенели слова Алексея Рогова: «Я боюсь того, что он найдёт». Она боялась того, что найдёт она. Она сунула ключ в карман,

подошла к двери, приложила ухо к холодному металлу. Тишина. Но за ней — звук. Тихий, едва слышный. Кто-то дышал за дверью. Ровно, глубоко. Она отпрянула, сердце забилось быстрее. Кто-то стоял с другой стороны двери и слушал её. Она замерла, не дыша. Слышала только собственное сердце, которое билось слишком громко в тишине лестничной клетки. Она не знала, что делать. Она могла уйти. Она могла забыть про всё это. Но она не могла.

Она отступила на шаг, потом на второй. Дверь была закрыта, но она чувствовала, что за ней кто-то есть. Она развернулась и спустилась на первый этаж, вышла на улицу. Дождь снова усилился, забарабанил по козырьку, по её плечам, по лицу. Она стояла под ним и смотрела вверх, на окно квартиры №3. Свет горел. И за стеклом — силуэт. Мужчина стоял у окна и смотрел вниз. Прямо на неё. Он не шевелился. Он просто стоял. И смотрел. Она сжала ключ в кармане, чувствуя, как металл впивается в ладонь, оставляя красные полосы на коже. Она не знала, что он видел. Она не знала, знал ли он, что она стоит под его окном. Но она чувствовала его взгляд — тяжёлый, холодный, ожидающий. Он ждал её. Он знал, что она придёт. Всё это время он ждал.

Она развернулась и пошла домой. Не оглядываясь. Но внутри она знала — она вернётся. Она откроет эту дверь. И узнает, что скрывается за ней. Ночью. В 2:15. В то время, когда Воронов выходит на лестницу, стоит у перил, смотрит вниз. В то время, когда его мёртвая жена зовёт его. Она сжала ключ в кармане. Он был тяжёлым. И холодным. Как подвал. Как прошлое. Которое не хотело оставаться в прошлом. Она вошла в свой подъезд, поднялась на третий этаж, открыла дверь. Внутри было темно. Она не зажигала свет. Просто стояла в прихожей, прислушиваясь к тишине. В руке — ключ от квартиры №3. Она сжала его так сильно, что пальцы побелели. Она знала — она пойдёт туда сегодня ночью. Она не знала, что найдет. Но она знала, что должна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.